

ИНКВИЗИТОР

Издательство «АСТ»
представляет книги Надежды Поповой
из цикла «ИНКВИЗИТОР»:

Ловец человеков

Стезя смерти

Пастырь добрый

Ведущий в погибель

Природа зверя

Утверждение правды

ИНКВИЗИТОР

Надежда ПОПОВА

УТВЕРЖДЕНИЕ
ПРАВДЫ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П58

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление обложки — *Галина Смирнова*

Иллюстрация — *Владимир Манюхин*

Попова, Надежда.

П58 Инквизитор. Утверждение правды / Надежда Попова. — Москва : АСТ, 2015. — 544 с.

ISBN 978-5-17-088348-6

Священная Римская Империя, 1397 А.Д. Следователь Конгрегации Курт Гессе направлен в горный альпийский лагерь, где готовят лучших бойцов Инквизиции. Просто очередная рутинная тренировка, каких уже был не один десяток, ничего более.

За много миль от лагеря в замок Карлштейн, императорскую резиденцию, прибывает агент Императора. Просто доклад об успешно исполненном поручении, данном ему государем, ничего более.

А в Прагу тем временем съезжаются рыцари со всей Империи, дабы принять участие в грандиозном турнире. Просто демонстрация воинской удали, стяжание славы и серебра, ничего более.

По крайней мере, так должно было быть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088348-6

© Н. Попова

© ООО «Издательство АСТ», 2015

*Автор выражает благодарность Надежде Шолиной,
доценту кафедры всемирной литературы
НГПУ им. К. Минина за помощь в блуждании по дебрям
латинских надежей*

...aufer robiginem de argento et egredietur vas purissimum aufer impietatem de vultu regis et firmabitur justitia thronus eius¹.

¹ Удали примесь из серебра, и выйдет чистейший сосуд, удали непра-
ведного от царя, и престол его утвердится правдою (Притчи, 25; 4, 5). (*кам.*).

Тропа

В разгар лета на корсиканском побережье было немногим лучше, нежели осенью в центре Неаполя. Или даже скверней, учитывая соленый мокрый ветер, ударяющий в лица и норовящий свалить с ног. Правду сказать, случаются и в этих местах теплые погожие деньки — тогда, бывает, удается не вымокнуть до нитки и не проклясть все на свете, пока достигнешь пещеры на самом верху долгой извилистой тропы. К слову, проклинать не стоило лишь ее; Ленца¹ не был в этом убежден, однако подозревал, что довольно лишь произнести нечто вроде «будь трижды проклята эта чертова пещера» — и приключится что-то не слишком приятное, а если еще присовокупить что-нибудь про «старую каргу», то шансы добраться до места живым чрезвычайно уменьшатся...

— Почему нельзя жить в нормальном месте, как все нормальные люди?

— О чем я предупреждал? — напомнил Ленца строго, не обернувшись, и Фульво², идущий позади, разразился подчеркнуто горестным вздохом.

— Отчего бы этой мудрой женщине не избрать себе более удобно расположенное обиталище? — с показательной любезностью переспросил тот. — Полагаю, немалое количество достойных внимания предложений миновало ее лишь оттого, что потенциальные просители не сумели собрать в себе сил, дабы достичь этого живописного, но крайне малодоступного места.

— Если потенциальные просители поленились втащить сюда свои задницы, следственно, не столь уж им это было необходимо, — помедлив, отозвался Ленца, пытаясь спрятать шею в воротник. — Логичным продолжением моих слов будет замечание о том, что лезть в гору, мерзнуть, мокнуть и рисковать свернуть себе шею будет лишь тот, кому и вправду есть для чего это делать.

— Любопытно, как это делает она сама — в ее-то годах?

¹ *Lenza* — хитрец, плут (*итал.*).

² *Fulvo* — рыжий (*итал.*).

— Вот и советую тебе над этим поразмышлять, — порекомендовал Ленца наставительно. — Причем серьезно. Вследствие чего — заткнуться.

— Может, и есть причины на то, чтоб сюда волочиться, — слово его не услышав, продолжил Фульво, пыхтя, точно перекормленный боров. — У тебя. То есть, не пойми неверно, я не хочу сказать, что мне все равно, просто не понимаю, за каким чертом потребовалось мое присутствие.

— Я тоже. Но *он* решил, что тебя пора вводить в курс всех дел — и я не перечу. И тебе не рекомендую.

— А я и не прекословлю, — серьезно заверил Фульво. — Всего лишь интересуюсь. Знаешь, вопросы всякие вертятся в голове, что с этим сделаешь. Что такого стряслось, пока меня не было, если ты стащил меня с корабля и поволок сюда, не потрудившись толком разъяснить подробности? Я уж не говорю о том, что и позавтракать не дав.

— Говоришь, — возразил Ленца, и тот согласился:

— Ты прав, говорю. Я остался без завтрака и хочу есть.

— Ты *всегда* хочешь есть, Фульво. Но должен ведь даже ты осознать ситуацию, когда о собственном чреве можно забыть хотя бы на время.

— По крайней мере, я желаю знать, из-за чего страдаю. К примеру, если уж откровенно, я слабо представляю, что происходит. В том смысле — что может сделать эта ведьма такого, чего не можешь ты?

— Лесть, звучащая как оскорбление, — покривился Ленца. — С одной стороны, я велик и страшен, с другой — какая-то старуха лучше меня.

— Ну, я сказал не совсем так. И тем не менее. По какому поводу суета?

— Все по тому же. Я узнал, где сейчас находится документ.

— Ха, — сквозь все более тяжкое пыхтение фыркнул Фульво. — Это вдруг стало тайной? В руках германской Инквизиции, это знаю даже я, хотя и не введен в курс всех дел.

— Именно поэтому — сообщаю тебе новость: нет, Фульво. Уже нет. Я немало сил потратил на то, чтобы узнать это достоверно, и не только сил.

— Защита?

— Немецкие конгрегаты, или кто там у них отвечает за эту сферу, свое дело знают, — недовольно откликнулся Ленца, на миг обернувшись. — Я не мог пробиться довольно долго.

— Но пробился же?

— Пробился. Только когда совершилась сама передача документа.

— То есть, — подытожил Фувльво, — они его не прощали, а кому-то вручили сами... И кому?

— Догадайся, — предложил Ленца, и за спиной ненадолго воцарилось задумчивое молчание.

— Да брось ты, — нерешительно и недоверчиво произнес приятель. — Не может быть.

— Как видишь — может. Он тоже был удивлен.

— Да немецкие конгрегаты не доверяют этой кукле подсвечник из церкви в глухой деревне.

— Как видишь — доверили кое-что серьезней. Из каких соображений, с какими целями и планами, почему — этого я не знаю. Да, собственно, и не мое это дело, строить предположения. Мне было сказано узнать, и я узнал; о прочем пусть он думает сам.

— Но узнал, как я понимаю, не все, что требовалось.

— Мне не известно точное местоположение документа. Я знаю, у кого он, знаю где, но не знаю, грубо так скажем, в каком именно сундуке.

— Так ведь это немудреное дело; проще простого, — возразил Фувльво и, когда Ленца обернулся снова, уточнил: — Ну, для тебя.

— И я полагал так же, — неохотно признал Ленца, снова уставившись себе под ноги. — Однако меня уложили, не дав даже и сунуться как следует. И, замечу тебе, отправленные мною духи — это был не второсортный материал. Это были хорошие, годные духи.

— «Были».

— Я ведь, кажется, сказал, что меня прихлопнули.

— А *его* не настораживает, что конгрегаты скопили такие силы? Он намерен что-то с этим делать?

— Спросишь у него сам?

— Нет уж, уволь, — нервозно хмыкнул Фувльво, и Ленца кивнул.

— Вот и я не спрашиваю. И кстати замечу, меня отшили не конгрегатские спецы. Попросту этот оригинал (судя по всему — после случая с братцем) впал в панику относительно дьявольских козней. И растыкал по всему замку святые мощи — в стены, в балки, в тайники.

— Шутишь.

— Смеюсь до колик, — согласился Ленца. — Половина из них, разумеется, подделка, половина второй половины — подлинники, но не работает, однако весьма внушительная часть действует, и еще как.

— Ты говорил об этом ему?

— То есть, — уточнил Ленца, — сообщил ли я, что дело, которое я должен был выполнить, не выполнено, потому что я не в силах совладать со старыми костями?.. Нет, не говорил. Я сделаю то, что

мне поручено, и здесь проблема не единственно в собственной репутации. Ты видел *его* в недовольстве? А теперь вообрази, каков *он* в гневе... Я явлюсь к *нему* только с результатами в руках; а если я не могу чего-то сделать сам, я нанимаю того, кто способен мне помочь. Отвечая на твой вопрос: да, она может то, чего не умею я.

— Как такое может быть? И это не лесть, я вполне серьезно.

— Скажем так, ты, по меньшей мере, сильно удивился бы, застукав меня за подобными выкрутасами... Когда увидишь, как она работает, поймешь все сам. И еще. Последнее наставление перед встречей: хотя бы там, Фультво, помалкивай. Не произноси вообще ни звука, у тебя с ловким складыванием слов явные проблемы, и недоставало еще, чтоб наше дело сорвалось по вине того, что сорвется с твоего языка.

— Буду нем как рыба.

— Немее. И лучше даже не здоровайся — молчком кивни или еще что; и стой где-нибудь в сторонке. Уразумел?

— Если б я тебя не знал, Ленца, — крадчиво заметил тот, — я сказал бы, что ты ее боишься.

— Ты меня знаешь. Но я и не подумаю оскорбиться, если ты это скажешь. Да я сам скажу: у меня от этой... мурашки по коже. Здоровенные такие, с оливку, мурашки — вплоть до пяток. И, коли уж ты сам в этих делах олух олухом, послушай профессионала: это не без причины. Не знаю, что она может еще, кроме того, что я видел, но мне, как ты понимаешь, всё видеть и не надо, чтоб это *почувствовать*.

— Не запугивай, — тяжело выдохнул Фультво, чертыхнувшись, когда нога запнулась о камень. — И без того не по себе. С вашим братом не знаешь, чего и ждать. Я, к примеру, всерьез допускаю, что однажды ты можешь сделать из меня служебного духа или что похуже. Или сейчас ведешь меня к этой ведьме для того, чтоб положить под нож — навроде жертвоприношения... Утешает лишь то, что в своем деле я незаменим.

— Незаменимых нет.

— Да неужто?

— Ты еще не отчитался перед *ним* о результатах своей поездки, — вздохнул Ленца, замедлившись, когда тропинка выровнялась и до разверстой пасти пещеры осталось всего несколько шагов. — Посему можешь быть спокойным — сегодня ты уж точно на жертвенник не ляжешь... Всё, Фультво. Теперь молчи и не лезь.

— Быть может, я просто снаружи подожду? — предложил тот с готовностью, настроенно косясь в темный провал. — Я, в общем, туда и не рвусь.

— Иди, — подстегнул Ленца, пихнув его вперед, — не выделывайся. Как знать, не придется ли когда-нибудь обратиться к ней еще, а меня не будет.

— В каком смысле — не будет?

— Чтоб у тебя язык отсох, — пожелал Ленца, переступив границу, отделяющую внешний мир от промозглого сумрака грота.

Она была здесь. Собственно, в этом Ленца и не сомневался — не в манере таких людей срывать встречи; а кроме того, ее присутствие в этой каменной норе он ощутил задолго до того, как войти сюда.

Она была здесь, и все здесь было, как и в прошлое его посещение этого угрюмого места: огонь в примитивном очаге — выложенном из камней круге, запах трав и еще каких-то подозрительных ароматов, всевозможные вместилища, от мешочков до сундучков, вдоль стен и друг на друге, и сама старуха, сидящая у огня, — древняя, как неведомо от кого оставшиеся развалины неподалеку от этой скалы. О том, сколько лет этому реликту, Ленца даже не пытался гадать, лишь припоминал рассказ старика, благодаря которому и узнал о наличии здесь этого существа. Дед утверждал, что знал о живущей в гроте старой ведьме, когда был еще юношей, и отчего-то усомниться в его словах в голову не приходило...

— Входи.

В прошлый раз от этого голоса он вздрогнул, сегодня же просто запнулся на первых звуках первого слова, с осязаемым усилием принудив себя приблизиться еще на два шага.

— Что надо? — прокаркала старуха, не двигаясь с места, и Ленца шагнул еще раз, заметив, что Фульво так и остался безмолвно и недвижно стоять на пороге.

Сразу к делу; это он ценил в тех, с кем случалось работать, всего более. Как ни крути, а одно неоспоримое достоинство у этой отшельницы имелось — в отличие от ее живущих среди людей товарищей, она не имела склонности к долгим рассуждениям и показательным выступлениям, призванным внушить посетителю мысль о ее величии и могуществе. Во-первых, любой их тех, кто приходил сюда, знал о ее возможностях достаточно, а во-вторых, судя по всему, подобные развлечения приелись ей еще лет сто пятьдесят назад.

— Есть человек, — стараясь говорить выдержанно и внятно, пояснил Ленца, достав принесенный с собой мешочек с дукатами, набитый до треска в швах, и держа его теперь в ладони на виду. — У него есть вещь. Я хочу знать, куда он спрятал ее.

— Убери, — потребовала старуха, кивнув на кошель. — После.

«Точно», — спохватился он, торопливо спрятав мешочек. В прошлый раз она тоже не стала брать платы заранее; что ж, разумно.

Надуть ее, не заплатив по исполнению работы, никто не сможет — кара за подобную выходку будет немилосердной, а получение вознаграждения за еще не сделанную работу, как знал Ленца на собственном опыте, может выбить из колеи и даже вовсе сорвать рабочий настрой. Не говоря уж о том, что довольно обидно, не сумев справиться с поручением, вздохнуть и отдавать обратно звонкие монеты, которые уже подержал в руках и которые почти уже начал считать своими. Бывало, что в связи с этим возникали и нехорошие мысли в отношении заказчика...

— Эта вещь, — продолжила старуха, все так же не шевелясь. — Она твоя?

— Не совсем, — замыавшись на миг, отозвался Ленца неуверенно. — Я бы сказал, она ничья. Просто сейчас находится у этого человека.

— Ты держал ее в руках?

— Нет, — вздохнул он с сожалением; та недовольно пожевала губами, и до слуха донеслись обрывки слов неведомого языка, но вполне ясного содержания.

— Есть у тебя вещь, принадлежащая этому человеку?

— Лучше: есть его изображение.

— Дай, — потребовала она, и Ленца, подступив ближе, аккуратно выложил на открытую высохшую ладонь германский талер.

Мгновение старуха пребывала в неподвижности, а потом содрогнулась и отпрянула, словно кошка, внезапно и нечаянно наступившая лапой в кипяток, так же истошно зашипев и скорчившись.

— Убери! — вырвалось из сморщенных губ, и монета отлетела куда-то в темноту у стены.

«*Bonus* сверх платы», — незначай пронеслось в мыслях; ведь не станешь же, уходя, ползать по полу в поисках серебряного кругляша — увесистого, надо заметить, хотя в сравнении с сотней золотых дукатов, конечно, мелочь...

— Есть другое, — торопливо сказал Ленца, на всякий случай отступив на полшага назад. — На золоте.

— Ф-фух! — встряхнувшись, точно ее облепили сотни кусачих муравьев, выдохнула старуха и рывком вытянула руку вперед.

На имперскую марку реакция была куда спокойней; выбитые в металле очертания она почти не рассматривала — повернув монету одной стороной, другой, накрыла ее второй ладонью и ненадолго застыла, глядя мимо посетителя.

— Я знаю, что вещь в его доме, — продолжил Ленца, выждав полминуты тишины. — Но я хочу знать с точностью, куда именно, в какую комнату в этом доме он ее отнес.

— Как выглядит твоя вещь? — по-прежнему смотря в сторону, уточнила старуха; он пожал плечами:

— Как кусок пергамента. Очень старый.

— Хорошо, — повернув наконец взгляд в его сторону, кивнула та и — надо же! — подала монету обратно. — Я займусь.

Ленца попятился, пряча марку, ничего больше не говоря, благодаря все высшие и низшие силы за то, что вложили в мозги напарника довольно разума, дабы сохранять до сих пор молчание. Сам он не был тому свидетелем, однако говорили, что излишней болтливости эта старая карга не жалуется.

Старуха наконец поднялась на ноги, потянувшись, и показалось, что каждый сустав в этом похожем на корягу теле скрипнул и захрустел. Не обращая более на посетителя внимания, она медлительно и как-то боком, словно прибрежный краб, проковыляла к дальней стене, где еще в прошлый раз он разглядел в полумгле изваяние — не то каменное, не то деревянное, не то из какого-то металла, потемневшего от времени. Увидеть его в деталях не вышло ни тогда, ни теперь; однако кое-какие мелочи таки удалось рассмотреть, из чего, сообразно своим познаниям, Ленца вывел, что, скорее всего, старуха держит в качестве приалтарной статуи изображение Горгоны. О том, какими именно методами поддерживается с нею связь и как обретается сила, он предпочитал не думать, хотя рассказы о пропавших без вести в этих краях назойливо лезли в голову.

По шипению и внезапно взвившемуся к потолку дыму он понял, что у подножья изваяния стоит жаровня, наполненная углями, на которую старуха сейчас бросила горсть каких-то благоволий и трав. Ленца осторожно потянул носом, поморщившись. Ладан. Куда ни шло. Каннабис, польнь... что-то еще, незнакомое; в тесных стенах грота запах распространился почти мгновенно, и он отступил дальше к порогу. Один черт знает, что еще намешала в свой сбор эта дикая ведьма...

От статуи старуха не отошла — осталась стоять напротив, задрала голову, но глядя, кажется, не в лицо своему божеству, а куда-то в потолок. Или уже сквозь него, что верней, учитывая возникшее вдруг ощущение противного острого мороза под кожей. Фувльво рядом переступил с ноги на ногу, зябко подтянув ворот, однако сделал это всего лишь по причине дующего в проход берегового ветра — напарнику тонкие материи неведомы, и почувствовать, какой холод разливается сейчас вокруг, он не может. Счастливчик.

— И что это будет? — поинтересовался Фувльво тихо, и Ленца шикнул в ответ, зло и едва слышно даже себе:

— Заткнись.

Кодунья подле статуи качнулась влево, вправо, замерла на полдвижении, покачнулась снова, и от скорченной фигуры донесся низкий, монотонный звук, от которого уже спустя два мгновения

ощутимо заложило уши. Продолжая раскачиваться из стороны в сторону, старуха потянула за какие-то шнуры на своем бесформенном потрепанном наряде, и изношенное одеяние упало на пол, открыв взорам все то, что было под ним.

— Ух, — ошарашенно выдохнул Фульво, отступив еще на шаг назад, и Ленца с ожесточением саданул его локтем, повелев умолкнуть.

Немудреная песнь ее стала громче, мягкие покачивания сменились резкими рывками; голос вспрыгнул на полтона выше, и старуха закрутилась вокруг себя, притопывая по каменно-песчаной земле расплюснутыми подошвами, отроду не знающими обуви. Сквозь растекающийся дым и сумрак пещеры иссохшее, подернутое складчатой кожей тело виделось нечетко, однако достаточно явственно для того, чтобы Фульво, в очередной раз поправ все предостережения, с омерзением уточнил:

— А что, без этого никак, а?

Разумеется, Ленца и сам был не в восторге от манеры работы некоторых персон; но — ведьмы, что с них возьмешь, у каждой есть какой-нибудь заскок. Одна накуривается до потери рассудка, другой непременно нужна чаша с кровью, третьей — хрустальный шар, четвертая танцует голышом... Кстати заметить, наверняка немало народу являлось сюда с малозначащими просьбами, лишь чтобы только это увидеть — лет этак пятьдесят назад. «Скорее сто», — поправил он сам себя, не сдержав брезгливой гримасы, когда в своем шальном танце старуха подскочила, и вместе с нею подпрыгнули два сморщенных кожаных мешка, в далеком прошлом бывших женской грудью. Ниже Ленца старался не смотреть, дабы впредь не утратить тягу к женскому полу.

— Меня сейчас стошнит, — шепотом сообщил Фульво.

— Заткнись, или я сломаю тебе шею, — пообещал Ленца чуть слышно, и тот притих, сделав от него маленький шагок в сторону.

Курения заполнили пещеру, вызвав слабое головокружение; старуха уже не тянула одну ноту — подвывала, метаясь с закатившимися глазами по гроту, и Ленца снова отступил назад, когда содрогающееся существо оказалось слишком близко. О ней такого не рассказывали, однако по богатому опыту Ленца знал, что подобные ей личности в таком вот транс вполне могут и тяпнуть любого близстоящего; после, быть может, и пожалеет, что угрызла перспективного клиента, но сейчас ее разум на что-либо осмысленное не способен...

Безумный танец ведьмы оборвался внезапно вместе со звуками ее голоса, и тишина ударила по ушам, на мгновение оглушив. Старуха, застывшая на середине движения, опустила вскинутые руки, вдохнув воздух надрывно и со свистом, точно чахоточная, и опустила голову, завесив лицо сивыми космами.

— Он шел по каменному полу, — проскрипела она тихо. — Между узких каменных стен. Замок?.. Это замок... Нес кожаный чехол для свитков. Тревожился и страшился. Боялся утратить то, что внутри.

Есть. Получилось. У этой древней дикарки получилось то, что оно не вышло у него, образованного, опытного и подкованного в своем деле лучше многих; чудны дела твои, фортуна...

— Не вижу его мыслей, — продолжал скрипучий голос. — Защищают. И его дом защищают. Многие. Чувствую его. Чувствую его опасность. Напряжение. Он был насторожен и нес прятать от чужих глаз вещь, которая ему не принадлежит.

— Куда? — не сдержался Ленца и прикусил язык, когда ведьма вздрогнула, вскинув голову и уставившись на него.

— Нутро дома, — проговорила та, и он затаил дыхание, когда увидел, что глаза старухи смотрят не на него, а словно внутрь себя. — Большая дверь. Железная дверь. Еще железная дверь. И еще двери. Там много сокровищ. Он входил в комнату с чехлом. Там успокоился, перестал бояться за вещь. Он вышел из комнаты довольным. Больше не боялся. Больше не вижу.

Последние слова старуха проговорила так просто, буднично, что Ленца на миг опешил, не сразу поняв, к чему они относятся. На старуху, как ни в чем не бывало ковьяляющую к сброшенной на пол одежде, он взглянул растерянно и спустя миг молчания неуверенно уточнил:

— И это все?

— Ты хотел знать, куда он отнес твою ничейную вещь, — отозвалась та, неторопливо облачаясь. — Я сказала тебе куда. В комнату с сокровищами в его доме, за множеством дверей. Ты остался чем-то недоволен?

— Нет, — поспешно возразил Ленца, — все вполне понятно. Это я так.

— Стало быть, — затянув шнур на своем потрепанном наряде, кивнула старуха, — настала пора расплачиваться.

— Да, конечно, — спохватился он, снова вынимая мешочек с дукатами. — Сотня, как говорила.

Колдунья вновь уселась подле огня, подогнув под себя ноги, и выразительно указала на пол рядом с собой. Ленца, приблизившись не без дрожи, присел на корточки, распустив завязки, и вздохнул, начав отсчитывать новенькие блестящие монеты. Старуха кивала на каждую, глядя придирчиво и внимательно, и когда на верх внушительной горки звонко упал пятидесятый дукат, перехватила гостя за руку.

Ленца вздрогнул, с трудом преодолев желание немедленно и грубо вырваться, и вскинул взгляд на нее, вопросительно и напряженно уточнив: